

ПРЕОДОЛЕНИЕ ТРАВМЫ В РОМАНЕ С. ЖЕРМЕН
«ТОВИЙ БОЛОТНЫХ ЗЕМЕЛЬ»

Травма рассматривается как категория, определяющая идентичность персонажа С. Жермен, французской писательницы рубежа XX–XXI веков. В статье определяются пути преодоления травмы. Обозначается роль данной категории в структурировании системы персонажей и сюжета в романе «Товий болотных земель». Категория травмы признается важной составляющей концепции личности героев. Метафорическим выражением категории травмы в романе С. Жермен становится образ болота, нарушение/потеря речи и безумие героев. Выявляется связь категории травмы с проблемой молчания Бога.

К л ю ч е в ы е с л о в а: травма; идентичность; память; «молчание Бога»; афазия; роман-миф; система персонажей; сюжетно-композиционный уровень.

Trauma is viewed as a category that defines the identity of the characters of S. Germain, a French writer at the turn of the XX–XXI centuries. The article indicates ways to overcome trauma that are shown in the novel «The book of Tobias». The role of this category is indicated in structuring the system of characters and plot. The category of trauma is recognized as an important component of the concept of heroes' personality. The metaphorical expression of the category of trauma in the novel by S. Germain is found in the images of a swamp, impairment/loss of speech and madness of the heroes. The category of trauma in the novel “The book of Tobias” is directly related to the question of the existence of unexplained evil in the world and the problem of God's silence.

К e y w o r d s: trauma; identity; memory; “silence of God”; aphasia; novel-myth; character system; plot-compositional level.

Сильви Жермен – современная французская писательница, философ, член Королевской академии французского языка и литературы Бельгии, обладательница престижных литературных премий. На данный момент она является автором многочисленных романов, эссе, очерков о живописи и детских сказок. Сюжет многих романов С. Жермен, в том числе и «Товий болотных земель» («Tobie des marais», 1998), строится по схожей схеме: герой сталкивается с личной трагедией, которая травмирует его и ведет

к деформации личности, а представление персонажей о себе и о мире нарушается. Универсальным травмирующим фактором выступает смерть или потеря близкого. Мир вокруг распадается из-за неспособности героя принять реальность, в которой возможна такая боль. Задачей персонажа становится преодоление этой травмы в условиях мира, где существует зло.

В романе «Товий болотных земель» многие герои переживают травматический опыт, который кардинальным образом влияет на их жизнь. Так, Дебора сталкивается со смертью шести близких людей: у нее на глазах скоропостижно умирает от болезни родной брат, а мать, не выдержав горя, бросается в океан вслед за телом сына. На войне погибает муж, первая дочь умирает в концлагере, а вторая бесследно исчезает после известия о смерти сестры. Позже из-за бытового несчастного случая умирает жена ее внука Теодора. Валентина после свадьбы вынуждена жить в условиях психологического насилия со стороны мужа Артура, а также она глубоко переживает смерть Анны, жены брата Теодора. Сара не может самостоятельно справиться с преследующим ее проклятьем – все, кто в нее влюбляется, погибают, из-за чего она не раз пытается покончить с собой. Теодор уходит в себя и закрывается от мира после неожиданной смерти жены, стремительно погружаясь в безумие и горе. А мир главного героя Товии трансформируется после смерти матери. Основной сюжет романа строится на травме Товии и путях ее преодоления, а параллельные линии сюжета раскрывают проживание травмы другими персонажами.

Часто травматический опыт индивида становится коллективным и наоборот. С. Жермен подчеркивает преемственность травмы: непроработанная трагедия предков влияет впоследствии на потомков. Концепт травмы неразрывно связан с понятиями истории и памяти, так как историческая реальность или же личный опыт прошлого, отражающиеся в общеродовой памяти, формируют настоящее отдельных персонажей. Так, несчастный случай, произошедший с матерью Товии, встраивается в цепочку травм всего рода и становится его логичным продолжением. А стремление Валентины исчезнуть, ее тихий характер и неспособность постоять за себя объясняется переданной ей по наследству меланхолией ее матери Розы, которая появилась у нее после смерти двух сестер и отца: *Les deux Rozmaryn avaient laissé leur empreinte en Valentine, mais la fantaisie de la cadette était lestée d'une lourde mélancolie héritée de l'aînée. La mélancolie dont Rosa s'était consumée s'infiltrait avec la lenteur d'un poison, goutte à goutte, dans la chair et l'esprit de sa fille* [1, p. 87]. Реакции на травму у героев различны, однако на примере данного романа можно выделить две основные категории персонажей, которые схожим образом реагируют на столкновение со злом или несчастьем. Одни – теряют рассудок, другие – речь. Личности трансформируются после разрушительного для психики опыта. Так, например, отец Товии становится безумным. Теодор может несколько часов или дней неподвижно сидеть в полной тишине или, наоборот, резко подвергается неистовым приступам ярости и гнева. После смерти жены персонаж описывается как «полумертвый» и «полуживой» человек: *Car ce père était double, et totalement*

imprévisible. Moitié mort moitié vivant, moitié mobile moitié pétrifié, tantôt muet et éructant, on ne savait jamais laquelle de ses deux faces, la diurne ou la nocturne, la douce ou la violente, allait prendre le dessus [1, p. 94].

С. Жермен отмечает особую дуальность и пограничность новой личности Теодора после травмы, жизнь которого превращается в констатацию личного горя. Он теряет интерес к жизни и заключает себя в своей боли, словно в клетке, как и все остальные герои, пережившие травму. Тетя Товии Валентина, в свою очередь, теряет на некоторое время способность говорить. Внезапная смерть Анны лишает ее голоса и слов. Первое время после трагедии она напоминает куклу, которая может издавать только нечленораздельные звуки и изредка невпопад смеяться: *Sa tante Valentine s' était transformée en marionette qui ne savait plus que pousser des cris [1, p. 98].* Также и Дебора не может произносить слова после того, как видит собственными глазами смерть брата и самоубийство матери. Так, проблема целостности личности наблюдается уже в неспособности адекватно коммуницировать с миром и окружающими.

Нарушения речи несут в себе и более глубокий смысл: они становятся метафорой ключевого концепта универсума С. Жермен – молчания Бога, и выражают собой идею вселенской афазии. Травмированные персонажи теряют в жизни ориентиры и задаются вопросом: как возможно такое зло и в чем его смысл в мире, где есть Бог? Путь преодоления травмы тесно связан с осознанием факта существования этого зла и смирением с ним. Так, Товия, узнав, что голову его матери украл Артур и много лет держал в своей духовке, спрашивает у Рафаила, в чем смысл этого поступка. На что его спутник отвечает, что у зла нет смысла. Момент, когда герой это понимает, становится его ментальным преодолением жизни в травме. Идея смирения и принятия мира с Богом и злом, является «противоядием» к травме. Та же мысль подтверждается на примере жизни Деборы, которая стоически проходит через все трудности и беды, выпадающие на ее долю. Она выдерживает все испытания, не уходит в себя, не теряет рассудок и не выбирает путь борьбы против Бога, принимая жизнь такой, какая она есть. Сталкиваясь со злом, женщина лишь задает один риторический вопрос Богу, при этом не ставя под сомнение его существование как таковое и тем самым не принимая концепцию «Бог молчаливый = отсутствующий»: *Peut-on monter au ciel et demander à Dieu / Si les choses ont le droit d'être comme ça? [1, p. 80].*¹ Через эту героиню писательница показывает необходимость осознания факта конечности бытия и неизбежности зла для того, чтобы продолжать жить.

Так как путь преодоления травмы лежит через принятие зла в мире, то чаще всего С. Жермен обращается к библейской мифологии, которая содер-

---

¹ И вдруг, в один солнечный день, когда Товия отправился с собакой и Рафаилом в свое путешествие, Валентина поднимает голову, встает из кресла и глубоко вздыхает, как если бы она только что проснулась после тяжелого липкого сна. Она стряхивает с себя оцепенение, поднимается в комнату, переодевается и приводит в порядок прическу. Затем она спускается на кухню, открывает буфет и замечает, что все, что внутри – довольно грязное. Она моет кастрюлю, тарелку, и ставит на стол муку, сахар, соль, два яйца и молоко [Перевод наш. – А. Р.].

жит в себе нравственные основы, предлагающие смирение как ответ. Главный сюжет романа повторяет библейский миф из «Книги Товита», который можно рассматривать как положительный паттерн поведения принятия жизни и веры, позволяющий преодолеть психологические травмы. В основе романа «Товий болотных земель» лежит матрица инициации, которая прокладывает направление проработки травмы главным героем. Миф о Товите и его сыне Товии выступает здесь в качестве своеобразного паттерна психики персонажа, следуя которому удастся пережить негативный опыт.

Путь преодоления травмы в романе С. Жермен можно сравнить с механикой принятия абсурдного мира Сизифом у А. Камю. Философ считает, что Сизифа следует представлять счастливым, а его вечное поднимание камня в гору – процессом утверждения жизни. Собственно, именно такой путь и проходит Товия. Все начинается с физического движения – выхода из стагнации: молодой человек покидает свою деревню, чтобы помочь отцу вернуть долг. Название романа в данном случае символично: родная деревня Товии – в прямом смысле болотистая местность, а после смерти матери герой метафорически проживает жизнь как болото. Его мир населен призраками родственников прошлого и «живыми мертвецами» настоящего: тетя Товии Валентина и его отец Теодор – яркий тому пример. Так, болото в романе – это символическое выражение состояния травмированного персонажа, который после столкновения с болью перестает стремиться жить и погружается в стагнацию и апатию.

Когда Товия решает отправиться в путь, он встречает Рафаила, впоследствии выполняющего роль наставника. В библейском сюжете Рафаил является ангелом, и он помогает излечить слепоту Товита, а также наладить жизнь семьи. В романе спутник выполняет ту же функцию, что и в мифе. Он духовно наставляет Товию, и под его присмотром герой перерождается и выбирается из метафорического болота, в котором Товия и его близкие жили последние несколько лет после смерти Анны. Товия приходит к смирению с миром, в котором возможно зло.

В романе есть еще один персонаж, в истории которого важен момент преодоления травмы. С одной стороны, пробуждение Валентины можно воспринимать как чудо, так как в тексте отсутствует конкретное объяснение ее внезапному улучшению. Так, Валентина, которая до этого проживала свою жизнь в болоте скорби, в один день вдруг резко приступает к приготовлению пирога. Этот необычный порыв происходит в момент, когда Товия отправляется в свой путь с собакой и Рафаилом. В данном случае приготовление пирога для Другого становится метафорой силы человеческого усилия, способности взять свою жизнь под контроль через простые действия: *Mais voilà que soudain, en cet après-midi ensoleillé ou Tobie vient de prendre la route en compagnie de son chien et de Raphaël, Valentine redresse la tête, se lève de sa chaise et pousse un long soupir comme si elle émergeait d'un sommeil lourd, poisseux; elle s'ébroue de sa torpeur, elle monte dans sa chambre, change de vêtements, se coiffe. Puis elle redescend dans la cuisine, ouvre les placards, qu'elle trouve assez vides et les ustensiles encrassés. Elle lave une casserole, une*

terrines, et dispose sur la table un paquet de farine de froment, du sucre en poudre, du sel, deux œufs, du beurre, un pot de lait. Elle fouille encore, cherchant deux ingrédients indispensables au qu'elle vient de décider de préparer, des amandes et de la poudre de cannelle [1, p. 160].¹ С блюдом Валентина решает отправиться к Деборе, как она делала всегда до того, как погрузилась в свою печаль. Героиня будто восстанавливает себя прежнюю, повторяя ритуалы из прошлой жизни. Из текста мы узнаем, что пирог Валентина испекла не только для Деборы, но и для умерших женщин из ее рода. Таким образом, данный эпизод отражает принятие травмы прошлого и настоящего.

На контрасте с Валентиной параллельно описывается еще один травмированный персонаж – муж Валентины, Артур. Хотя нам и неизвестна точная причина его деформированной личности, однако мы понимаем, что его злоба и ненависть – следствие неправильного подхода к жизни. Если его жена выбирает созидание, то Артур продолжает идти по направлению деструкции. Не найдя жену на ее привычном месте дома в безжизненном состоянии, которое приносило ему удовольствие, он уходит в свою комнату и ложится на пол в пыль и осколки в приступе безумия. Чтобы восстановить порядок своего деформированного мира, Артур вытаскивает свадебное платье жены набивает его предметами и усаживает платье в кресло «печали», где столько лет просидела Валентина. Однако осознав, что мир не будет таким как прежде, в приступе безумия он устраивает неосознанный акт самосожжения, обнимая платье жены. С. Жермен показывает два пути развития жизни травмированного человека. Пока Артур горел в лодке посреди реки, выкрикивая слова ненависти, Валентина, проснувшись после долгого скитания с пирогом в руках на берегу этой же реки и услышав эхо его крика, начала петь молчаливые песни благодарности и счастья, ощущая себя счастливой в присутствии умерших женщин из ее рода.

Так, категория травмы в универсуме С. Жермен является важным фактором в формировании героев. Она определяет сюжетно-композиционные особенности романа «Товий болотных земель», проявляется на уровне системы персонажей, а также является важной составляющей концепции личности героев. Метафорическим выражением категории травмы в романе С. Жермен становится образ болота, нарушение/потеря речи и безумие героев. Травма напрямую связана с вопросом существования необъяснимого зла в мире и проблемой молчания Бога. Задачей героев становится преодоление травмы и принятия мира, в котором есть зло. С. Жермен обращается к мифу о Товите и его сыне Товии как к сюжету, содержащему нравственный паттерн, помогающий преодолеть травму через принятие мира и смирение.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Germain, S. Tobie des marais / S. Germain.* – Paris : Gallimard, 1998. – 270 p.

---

¹ Может кто-нибудь подняться на небо и спросить, действительно ли все должно быть именно так? [Перевод наш. – А. Р.]